

Диалог об Александре Лурия¹

Майкл Коул, Джером Брунер, Оливер Сакс

Коул М., Брунер Дж., Сакс О. Диалог об Александре Лурия // *Психологический журнал Международного университета природы, общества и человека «Дубна»*, 2013, № 1, с. 59-70. Электронная версия // <http://www.psyanima.ru/journal/2013/1/2013n1a3/2013n1a3.3.pdf>

Интервью Майкла Коула с Джеромом Брунером и Оливером Саксом, взятое в начале 2000х в нью-йоркской квартире Брунера. Участники беседы обсуждают историю своего знакомства и общения с советским психологом и нейрологом Александром Лурия, проходившем на протяжении 1950х-1970х годов. Среди прочего, интервью показывает степень влияния личности и творчества Лурия на этих современных классиков западной психологии и нейрологии. В заключение Сакс подчеркивает огромное влияние Лурии на его становление как автора научно-популярных медицинских бестселлеров в жанре «романтической науки», которые в наши дни широко известны и неизменно продолжают привлекать к себе читателей во всем мире.

Ключевые слова: А.Р. Лурия, Джером Брунер, Оливер Сакс, транснациональная история, неформальные личные знакомства, научные брокеры, «романтическая наука».

¹ *Комментарий редактора:* Интервью Майкла Коула (интервьюер) с Джеромом Брунером и Оливером Саксом (интервьюируемые) состоялось приблизительно в 2002 г. в нью-йоркской квартире Брунера. Встреча была записана на видео. Интервью было запланировано в рамках более крупного проекта, представляющего собой серию «устных историй» об Александре Лурия, его жизни и научном наследии, и было впоследствии выпущено на DVD, наряду с интервью других российских и зарубежных ученых, лично знакомых с Лурия и поделившихся своими воспоминаниями о нем. Помимо вступления Майкла Коула в 2004 и его интервью с Брунером и Саксом, на диске представлены четыре последних интервью Карла Левитина с Джаганнатом П. Дасом, Пеетером Тулвисте (оба интервью были даны в Амстердаме на Пятом Конгрессе Международного Общества Культурных Исследований и Теории Деятельности (ISCRAT) с 18 по 22 июня 2002 г.), Владимиром Зинченко, Владимиром Лубовским (оба интервью даны в Москве; дополнительные подробности о книге и диске см., например, в рецензии на книгу Клиффорда Морриса «Воспоминания об отце нейропсихологии», доступной для чтения по адресу: [http://www.igs.net/~cmorris/review_the_making_of_mind.htm]). Диск можно приобрести в качестве приложения к новому выпуску мемуаров Александра Лурия, изданному Майклом Коулом (Сан-Диего) совместно с Карлом Левитиным (Москва) (Cole & Levitin, 2006). Интервью с Джеромом Брунером и Оливером Саксом было расшифровано Михаилом Муниповым и Татьяной Ждановой. Майкл Коул любезно выполнил неоднократную вычитку и педантичную корректуру английской записи интервью. Гизель Тоассса и Талес Кавальканти э Кастро перевели этот диалог на португальский. Перевод на русский язык выполнен Е.Русаковой в рамках курсового проекта под руководством к.п.н. Е.Завершневой по кафедре общей психологии ф-та клинической психологии МГМСУ (зав.кафедрой проф. Орестова Е.В.), сотрудничающей с журналом в совместном издательском проекте. Позднее издательская команда журнала *PsyAnima*, при любезной поддержке Майкла Коула, планирует также подготовить к публикации остальные интервью. Выражаем глубокую признательность всем тем, кто принял участие в этом транснациональном проекте на всех его этапах. – А.Ясницкий.

Брунер: Один из первых разговоров, который состоялся у нас с Лурия², происходил прямо здесь, на Красной Площади, и говорил он о... о том, как он со своей группой впервые обратился... то ли к министру образования, то ли науки, я точно не помню, - с заявкой на получение гранта, которое было началом процесса, описанного им как битва за сознание, - не знаю, на какой счет отнести это, - и я был совершенно им очарован. Дело в том, что было совершенно неизвестно, получим ли мы на следующий день письмо с подтверждением заявки, или нас просто возьмут и пошлют куда подальше, или что-нибудь еще вроде этого. Это была сложная ситуация, а потом... это произошло во время нашей встречи в Москве – думаю, нашей первой встречи - именно после этого мы и начали вести с ним обширную переписку. Я много писал ему, понимая: о чем бы он ни рассказывал в своих письмах, одна из важных тем - битва за проблему сознания в России. Можно было провести параллель с тем процессом, который разворачивался в США в Центре Когнитивных Исследований, который уже ранее осуществился. Так или иначе, мы с ним стремились вернуться назад к понятию сознания³. Говоря «мы»... м-м-м... я имею в виду Джорджа Артура Миллера... Не думаю, чтобы Джордж и Лурия знали друг друга достаточно хорошо и преуспели в знакомстве друг с другом.

Полагаю, Лурия также понял, что мы подошли к этому: значительная часть нашего первого разговора была о том, как освободить психологию от всякого рода механистических представлений. Размышляя об этом в ретроспективе, я осознаю, что мы оба в некоторой степени – каждый на своем собственном пути – следовали за любопытной общемировой тенденцией. Его действия были ответом на коммунистическую идеологию людей-винтиков, где приведение в состояние роботов обеспечивал включение каждого в систему. А я... мы с приятелями, - в том числе и с Вами [т.е. Майклом Коулом] как с представителем более молодого поколения, - мы протестовали против того, что в своего рода всемирном капиталистическом тейлоризме человек подгонялся под существующие узкие и специализированные рамки, чтоб лучше вписываться в систему производства. Именно об этом каждый из нас и рассказывал другому⁴.

² *Комментарий редактора*: О переписке и дружбе Дж.Брунера и А.Лурия читайте также его мемуары «В поисках ума. Автобиографические эссе». Например: «Насколько я отделился от Женева (имеется в виду, от интеллектуального наследия Жана Пиаже – А.Я.), настолько же я приблизился к Москве. Частично это произошло по личным мотивам, частично по соображениям разума. Личным мотивом был Александр Романович Лурия, эдакий дядюшка на русский лад. Именно с ним я мог говорить и переписываться об идеях Выготского и моих [с.144] соображениях на их тему. Лурия излучал неугасимую энергию, бесконечное дружелюбие, неиссякаемый энтузиазм. За те примерно пятнадцать лет, которые я его знал, не прошло и пары месяцев, чтобы я не получил от него письма, или его книги для перевода, или тома размером с кофейный столик по иконописи Андрея Рублева или, по крайней мере, архитектуре Ростовского кафедрального собора. Он был царем русской психологии, но более мягкого царя трудно было себе представить! (Bruner, 1983, с. 143-144) – А.Ясницкий.

³ *Комментарий редактора*: Об интеллектуальном контексте и первоначальных целях основателя «когнитивных исследований» и «когнитивной науки» см. (Bruner, 1990). – А.Ясницкий.

⁴ *Комментарий редактора*: Необходимо отметить, что темы интеллектуального противостояния между Павловым и бихевиоризмом Скиннера, а также взаимоотношений между Брунером и Саксом, прозвучали в одном и том же фрагменте длинного видео-интервью, которое Оливер Сакс дал на интернет-портале «Веб-истории» [<http://www.webofstories.com/>]: «Джерри Брунер был и является легендарной фигурой, так как в 50-х он был одним из строителей... того, что сейчас обычно называют когнитивной революцией. В то время страсти бушевали вокруг бихевиоризма, Скиннера и условных рефлексов. Во внимание принимались только стимул и реакция. Никакой связи с тем, что внутри организма. Никаких представлений о том, что происходит с организмом внутри. Поразительно, что нечто столь надуманное может иметь... может иметь

И вот что интересно – наше общение, гостил ли я у него в Москве, или в другое время, – не сводилось строго к психологии, а охватывало мир символов в целом. Оба мы в значительной степени разделяли интересы друг друга: искусство, кино, театр и тому подобное. Благодаря его... его интересу к Станиславскому – а также всему остальному, в частности, его научным методикам, – у меня сложилось впечатление о двух его особенностях, приводивших меня в совершеннейший восторг. Одна из них – это роль символических процессов, но, как мы бы выразились сейчас, спустя годы, символических процессов не просто в виде «мета-движения»⁵ на основе своих собственных мыслей и создания из них символа. Он относил эти процессы к видам искусств, способам... способам, которыми так или иначе создаются произведения искусства – таким, как театральная игра и прочее. Например, в фильме «Александр Невский» столкновение двух орд на ледяной поверхности озера, или в фильме «Броненосец Потемкин»⁶ спуск людей по длинной лестнице – вот такого рода вещи представляют собою символ – и встречный поток людей, поднимающихся наверх. Этот подъем – это и было осознанное использование таких способов, и т.п.

В общем, это была первая его особенность... Была еще и другая, весьма мощная – идея индивидуализации. Именно в ней было все дело, она была частью «мета-движения». По сути, каждый – творец «мета-движения» в своем собственном уме. Думаю, это было по причине того, что он обожал изучать случаи повреждения лобной доли, поэтому именно эти нарушения стали базой для всех остальных исследований. И когда... когда, например, мы в Кембридже (шт.Массачусетс) первый раз работали с детьми, мы были... Я должен сказать, что мы чертовски много переписывались. Я был поражен, – никогда уже не повторю такого подвига – но я был поражен: служащая из Кембриджа нашла не меньше сотни писем. Я не предполагал, что переписка была настолько интенсивной. Он был... он был настолько компетентен в своих знаниях, что смог освоить зону ближайшего развития из теории Выготского, и для него она была своего рода... не просто абстракцией, а вполне конкретно осуществляемым актом. Он обладал прекрасными актерскими способностями.

такое влияние. Одним из ранних и известных критиков теории Скиннера был Хомский. Помимо своей первой книги о синтаксических структурах, он написал также... разгромный обзор о Скиннере, работах Скиннера и о направлении в целом – весьма смело, если не сказать *хуцпа* [*идиш, иврит*: дерзость, наглость—А.Я.], для такого молодого человека. Это все равно что пнуть... пнуть божество на пьедестале. В это же время Джерри Брунер и его коллеги пристально изучали сознание. Термина «сознание» не существует в концепциях Павлова и Скиннера. Полагаю, в тот момент Джерри находился в Кембридже. Его жизнь целиком была проведена... то есть то, что обычно называли бы жизнью, отрезком до смерти в обычном для этого возрасте – он провел в разъездах между Кембрижем и Гарвардом. Однако в свои... полагаю, в свои 95 с небольшим Джерри все еще полон сил. Впервые я пересекся с ним, когда он написал великолепный и великодушный обзор к моей книге «Нога, чтобы стоять». Это дало мне силы, чтобы выстоять. Это чрезвычайно меня поддержало. Это позволило мне продолжать идти своим путем, когда я был раздавлен негативными рецензиями на мою книгу в Англии. Мы с Джерри сталирузьями. Разница в возрасте между нами, похоже, не имела большого значения. А теперь, когда мне почти 80, она еще менее значима». См. этот отрывок онлайн-интервью на <http://www.webofstories.com/play/54457> - А.Ясницкий.

⁵ *Комментарий переводчика:* «мета-движение» – разговорный вариант понятия «meta-cognition», эквивалентом которого в русскоязычной психологии и философии традиционно является понятие «рефлексия» – Е. Русакова.

⁶ *Комментарий редактора:* Брунер имеет в виду два фильма: «Александр Невский» (1938) и «Броненосец «Потёмкин» (1925), снятых Сергеем Эйзенштейном – всемирно известным советским режиссером и теоретиком искусства, а также партнером и близким другом Лурия. О взаимоотношениях Лурия и Эйзенштейна см., например, (Е.Лурия, 1994), а также (Vulgakowa, 2001) – А.Ясницкий.

Это был акт преобразования своего собственного знания, перевода его на следующий уровень.

Это было... было его частью. И последнее, что я хотел бы сказать: в тот период... в тот период, когда мы с ним завязали нашу переписку – в ее разгаре – он стал своего рода... как бы... ну, отцовской фигурой. Он был... своего рода идеальной отцовской фигурой, по крайней мере, для меня. Думаю, вероятно, вы понимаете, о чем речь. Однако он был доступным, теплым в общении. Он был этаким еврейским интеллигентным папочкой... А я был сыном. И он сам стремился... стремился к подобной роли⁷.

Однако в тот период... мне это было интересно, поскольку еще я вел переписку, совершенно не такую обширную и не такую личную, с Пиаже и с Фредериком Барлеттом. Теперь я до некоторой степени осознаю, что это было несколько странно - имею в виду их взгляды... их взгляды на крах бихевиоризма в рамках американской психологии. Находились подобные мне и Дональду Хеббу, вроде тех, с кем я состоял в переписке; так было, например, немного позднее с Карлом Прибрамом.

Однако я всегда полагал это интересной особенностью, в котором сочеталось два момента. К одному из них я приду немного позднее, когда буду пытаться разграничить их: две особенности отличали Лурия от... конечно, если не приводить в качестве примера Пиаже (Лурия в каком-то смысле соперничал с Пиаже), но ни одна из них не относилась к вышеупомянутым.

Александр Романович никогда не доверял инвариантности развития сознания безотносительно к культуре – о которой идет речь в возрастной классификации Пиаже. Он... он... нет, он не относился к этому презрительно. Он просто смеялся над этим. Он говорил, что, должно быть, это ужасно удобно – иметь подобную точку зрения. Так оно и было. Это была одна из тех вещей... которые он не любил. Другой момент... другой момент, который он... над которым он смеялся... как это у Пиаже - идея о том, что развиваясь, ребенок может оставаться независимым от самого пути развития – так сказать, *au-delà*⁸. Он очень любил термин «рефлексия» - вы помните? Сейчас мы это называем “мета-движением”. Барлетт нравился ему из-за подобных идей. Предположим... нет, не думаю, чтобы он и Барлетт... разве они когда-нибудь встречались?

Коул: Сомневаюсь.

⁷ *Комментарий редактора:* Сравните этот эпизод с абзацем из автобиографической книги Брунера: «Мы с Лурия почти сразу же стали близкими друзьями. У нас была совместимость темпераментов и согласие по многим вопросам психологии. Его любопытство выходило за пределы тех путей развития психологии, которые были проложены Пиаже, а его интерес к культурной реализации возможностей сознания позволил ему более свободно относиться к связям, существующим между антропологией и психологией. Кроме того, с ним не возникло тех проблем отцов и детей, которые преследовали мои отношения с Пиаже!» (Bruner, 1983, с.145). О кросскультурных исследованиях Лурия на пересечении антропологии и психологии см. материалы предстоящего специального тематического выпуска журнала «*Психологический журнал Международного университета природы, общества и человека «Дубна»*» с рабочим названием «Курт Коффка: «У узбеков ДЕЙСТВИТЕЛЬНО ЕСТЬ иллюзии!». Обсуждение противоречий между Коффка и Лурия» (статьи Ильи Пономарева, Ханны Проктор, Антона Ясницкого, Олега Гончарова, Владимира Спиридонова, Эли Ламдана и Ури Аллика) – *А.Ясницкий*.

⁸ *Фр.:* вне

Брунер: Очень сомнительно, и даже если это произошло, трудно представить этих двоих мирно беседующими. Типичный бритт?⁹

Коул: Позвольте мне задать Вам один вопрос. Дело в том, что один из... одной из первых публикаций, которая появляется... в дается комментарий на общие идеи, было предисловие к «Мышлению и речи» Выготского, вышедшее в 19... в 1962¹⁰. Каким образом это получилось? Как вышло, что Вы написали это предисловие?.. Это организовал Лурия?

Брунер: Ну да, именно Лурия это организовал, однако должен заметить, что в этом деле участвовал еще один человек, который выступил посредником... который был.... Напомните ее имя, пожалуйста.

Коул: Евгения Ханфманн?

Брунер: Евгения. Евгения Ханфманн. Вероятно там было... да, и еще в этом принял участие и Роман Якобсон... Наверное, это было довольно любопытное занятие для тех, кто собирался писать введение, если оно там планировалось... или, по крайней мере, предисловие... обстояло ли дело так, что Лурия собирался написать комментарий?

Сакс: Может быть, не Лурия, а Пиаже?

Брунер: Как раз Пиаже собирался написать его.

Коул: Это был комментарий Пиаже.

Брунер: Да, это был комментарий Пиаже. И я полагаю, это было ошибкой. Это должна была быть часть книги, и все должно было идти в одном ключе.

По всей видимости, насколько я помню, Роман Якобсон прочитал эту вещь, и полнота его русскости, если я правильно говорю, перешла в очень сценический русский гнев. Мне нравится... русский гнев удивителен... это одна из причин, почему русский театр – это великое искусство. Это явление культуры. Я уверен, что Роман был совершенно захвачен этим чувством, и... как бы вам.... вот здесь у вас крупнейшая, значительнейшая работа, написанная Выготским, а вы просите кого-то, имеющего противоположную точку зрения, дать свою оценку. А затем вставляете его в сборник, и получается комментарий ни о чем, сплошная болтовня... знаете, как это бывает... В общем, все это снова было плохо организовано, так что.... Я даже не знаю, как вообще появилась идея просить меня об этом. Может быть... может, это была идея Евгении... или, скорее, Александр Романович мог сказать: «А почему бы не предложить это Брунеру?» Вы знаете об этом больше?

Коул: Нет, нет, мне просто любопытно...

Брунер: ...И я не знаю.

⁹ *Комментарий редактора:* «Типичный бритт» - это ссылка на британского ученого сэра Фредерика Чарльза Барглетта (профессора Кембриджского Университета и члена Британского Королевского Общества) – А.Ясницкий.

¹⁰ (Vygotsky, 1962).

Коул: Очень любопытно. Я сейчас должен передать слово Оливеру, а потом мы опять вернемся к той теме, с тем, чтоб, может, сделать небольшое совместное обсуждение всего этого. Самая ранняя переписка, которая имеется, думаю, между Джерри и Александром Романовичем, датируется 1958-м годом, и поверить трудно.

Сакс: 58-м?

Коул: Думаю, 58-м. Возможно, и 56-м. Но скорее 58-м, определенно, в этот период. А Ваша с ним переписка завязалась несколько другим способом ... ваше взаимодействие...

Коул: Я... я... я восхищался им многие годы, особенно его «Умом мнемониста», который вышел в 68-м на английском¹¹. И позднее, когда «Потерянный и возвращенный мир» вышел в 73-м (по крайней мере, позже 72-го)¹², я написал на эту книгу рецензию, которая стала в то же время эссе о... эссе о самом Лурия¹³. Все это было опубликовано в... в июне 1973 - в тот же месяц, что и моя книга «Пробуждения»¹⁴. Где-то через месяц я получил из Москвы один из этих конвертов с... красивейшими марками и...

Брунер: Он был выдающимся коллекционером марок...

¹¹ (Luria, 1968).

¹² (Luria, 1972).

¹³ (Sacks, 1973b).

¹⁴ (Sacks, 1973a).

Иллюстрация: из переписки Лурия с Оливером Саксом. (Источник: фотоархив из коллекции Майкла Коула)¹⁵

Сакс: ...подписанный рукой Лурия. Я был по-настоящему взволнован. Это было как будто... как получить письмо от Фрейда. Лурия прислал... он прислал мне первое довольно длинное письмо в ответ на мое эссе, в котором он... в котором были примеры из его собственной жизни, о том, как он чувствовал отторжение и от Павлова, и от Скиннера, и от механистического мышления. О том, насколько... насколько важным для него было увидеть вещи в рамках их социального развития. Так что для него не существовало ребенка отдельно, он всегда видел вместе мать и дитя, всегда в диалоге. А еще он... он рассказал о множестве вещей, в том числе... в том числе о том, как Павлов отреагировал на его первую книгу «Природа человеческих конфликтов»¹⁶, когда.... когда.... когда Павлов отказался читать ее и заявил: «И Вы называете себя ученым?!»

Это было замечательное, открытое письмо. Позже, на следующей за этим неделе я получил несколько писем касательно «Пробуждений». И вот таким образом началась переписка, продолжавшаяся до самой смерти Лурия в 77-м. Но я... я ни разу не встретился с ним. Я... Я не знаю, что помешало мне приехать в Москву, разве что... позже переписка разветвилась в разных направлениях. Вначале он надеялся на возможность переиздания на английском некоторых классических трудов из русской нейропсихологии – Сеченова и... некоторые работы его отца Р.А.Лурия.

¹⁵ *Комментарий редактора:* Прочие документы, публикации и архивные источники см. на сайте, посвященном Александру Романовичу Лурия, созданном на базе Laboratory of Comparative Human Cognition при Университете Калифорнии (Сан-Диего): [<http://luria.ucsd.edu/>]. Этот онлайн-ресурс возник по инициативе и при энергичной поддержке д-ра Майкла Коула, которому мы выражаем нашу благодарность за его усилия и вклад в международное распространение научного наследия Лурия. – *А.Ясницкий*.

¹⁶ (Luria, 1932).

В 1974, когда у меня... когда что-то странное произошло с моей ногой, вызвав ощущение отчужденности в ней, я подробно написал ему об этом¹⁷. Происшедшее было для меня непонятным, и я не смог обсудить этот вопрос ни с кем, кроме Лурия. Я описал ему суть вопроса, и мы вели об этом довольно долгую переписку, и он... ведь он часто имел дело с природой действий и образом тела, с ситуациями, когда какая-то часть исключена из этого образа тела, отчуждена из-за недееспособности. А я... я все колебался, стоит мне всерьез написать об этом или нет. И в конце концов... в порыве энтузиазма он прислал мне из Москвы телеграмму со словами: «Сделайте это!» Можете цитировать мои письма, если пожелаете. В 1975 я начал наблюдать пациента с синдромом Туретта. Я выслал Лурия несколько пленок с записями - аудиопленок. Он был очарован – он увидел сходство между мыслительными процессами... больного синдромом Туретта и своего мнемониста. В какой-то мере, он увидел это как мнемонизм в действии.

Не помню, в каком именно году... кинорежиссер Дункан Даллас собирался снять три документальных фильма. Один – вместе с Лурия, один со Скиннером и один со мной. Он снял фильмы со Скиннером и со мной¹⁸. Но Лурия в то время... чувствовал себя слишком... думаю, слишком больным, чтобы внести свой вклад. Периодически из его писем можно было узнать совершенно разные вещи о нем. Одна из них – его любовь к детективам. И... я выслал ему их изрядное количество.

Брунер: Он обожал американские детективы.

Сакс: Думаю, больше всего он любил один из фильмов о Шерлоке Холмсе, «Семипроцентный раствор», в котором Холмс изображен кокаином, проходящим сеансы психоанализа у Фрейда. Этот фильм очень нравился Лурия.

Брунер: А я выслал ему все свои книги Найо Марш.

Сакс: Да, а у меня он специально просил книги Николаса Фрилинга.

Коул: В какой-то мере... Вы один из немногих, кто пишет о Лурия и его отношении к романтике в науке. Мне любопытно узнать о роли причинных связей, объединивших Ваши и его идеи на эту тему.

¹⁷ См., например (Sacks, 1984).

¹⁸ *Комментарий редактора:* Вот как Сакс описал этот эпизод в другом отрывке: «В... октябре 73-го Дункан Даллас с Йоркширского телевидения обратился ко мне с вопросом... кто бы мог подумать!.. как я и мои пациенты отнесутся к съемкам документального фильма... сказал, что хотел бы приехать и познакомиться с пациентами. И он действительно приезжал на десять дней и познакомился со многими пациентами, которые тепло общались с ним. Я тоже отнесся к нему с теплотой и восхищением, не только как к потенциальному кинорежиссеру, особенно когда узнал, что он защитил докторскую степень по работам Лавуазье [Антуана]. Это был непризнанный химик, содержавший собственную лабораторию. Так что когда мы не обсуждали «Пробуждения», то беседовали о химии и об истории химии». См. видеозапись интервью на <http://www.webofstories.com/play/54203>. Документальный фильм оказался на удивление успешным: «В общем, Дункан приехал снова, в этот раз со съемочной группой, и всего за десять дней документальный фильм был снят. В январе 74-го он вышел в прокат в Англии. Зрителям он очень понравился, и мне он понравился, и, самое главное, пациентам он тоже понравился. Совсем не так, как произошло со следующим документальным фильмом Дункана» (см. <http://www.webofstories.com/play/54205>). Успех этого документального фильма впоследствии привел к появлению нескольких эффектных экранизаций книги Сакса «Пробуждения», в том числе пьесы Гарольда Пинтера «Что-то вроде Аляски» и художественного фильма «Пробуждения» с Робертом Де Ниро и Роббином Уильямсом в главных ролях. – *А. Ясницкий*.

Сакс: Скажем так, ранний Лурия, которого я читал, был совершенно другим. Думаю, когда я впервые прочел Лурия - возможно, в конце 50-х— это была его... его «Природа человеческих конфликтов». В частности, там излагался путь, на котором больной паркинсонизмом, не имеющий возможности самостоятельно ступить ни шага, смог бы осуществить целенаправленные движения, используя высший корковый механизм. С тех пор я убедился в достоверности этих рекомендаций, постоянно наблюдая своих пациентов... но в тот раз это было открытием. Позже, когда я... когда в середине 60-х были опубликованы «Высшие корковые функции»¹⁹, так или иначе, сведшие на нет френологическую неврологию, которая... в рамках которой я обучался, заменив ее этим замечательным понятием многокомпонентных функциональных систем. И это показалось мне весьма воодушевляющим²⁰. Однако позже я испытал совершенно иной восторг, прочтя «Ум мнемониста». Я... читая первые тридцать страниц, я думал, что это художественный роман. А позже я осознал, что это не роман, а удивительная история болезни, в структуре романа сочетавшая научную точность с чувствительностью и драматичностью. Я подумал, это как самому себе рассказывать истории. Или, скорее, у меня возникло желание этим заняться, которое время от времени сменялось стремлением к анализу. И... бесспорно, прочтение «Ума мнемониста», думаю, сделало меня... уверило меня в моем собственном ощущении, что я должен попытаться воссоздать тот же стиль в описании моих собственных пациентов, похожий... похожий на тот, что я использовал в «Пробуждениях»²¹. Мне... мне нравились истории болезни в викторианском духе, с их обилием подробностей, их проникновением в суть, их... знаете... их гуманистическим подходом. Я видел, что неврология становится сухой и скучной. А... в романтических историях болезни Лурия я вновь нашел богатства красок натурализма XIX-го века, при этом качество функционального анализа было... было совершенно иным, и оно смогло

¹⁹ (Luria, 1966).

²⁰ *Комментарий редактора:* Приводим довольно любопытный автобиографический отчет о первой встрече Сакса с работами Лурия в 50-х или 60-х годах: «Лурия приехал в Лондон в 58-м и прочитал несколько докладов о парах однояйцевых близнецов и их речевом развитии в... в манере, которая объединила наблюдательную науку, глубину теории и человеческую теплоту, и которую я счел изумительной. Когда я вернулся в Нью-Йорк, мне пришлось прочесть две недавно изданные книги Лурия – его «Высшие кортикальные функции [человека]» и еще одну, название которой не могу вспомнить. В общем, в этой другой книге была масса историй о пациентах с повреждением лобной доли, и это сильно меня расстроило, - может быть, именно поэтому я не могу вспомнить ее названия – это расстроило меня, так как после прочтения книги я подумал: нет мне места в этом мире. Я подумал: Лурия уже написал это. Он уже увидел, сказал, написал и подумал все, что я когда-либо смогу сказать, написать или подумать. В гневе я разорвал книгу надвое. Она называлась «Мозг и психические процессы». В библиотеке я сказал, что что-то случилось с книгой, и приобрел другой экземпляр книги взамен, а заодно еще один, для себя» (См. <http://www.webofstories.com/play/54219>) – А.Ясницкий.

²¹ *Комментарий редактора:* Приводим дополнительную версию этого эпизода: «В 68-м книга Лурия вышла под названием «Ум мнемониста». Я прочитал первые тридцать страниц в ней, полагая, что это роман в тургеневском стиле. Я особенно люблю творчество Тургенева за-за богатства деталей. А в тот момент я осознал, что это были истории болезни, но полные таких подробностей и глубины, каких я никогда не встречал в историях болезни. Истории болезни со всем их драматизмом, пафосом и ощущением литературного романа. Это показалось мне в своем роде совершенством и способствовало, наряду с влиянием Одена, созданию «Пробуждений» в их итоговой форме. Думаю... думаю, я не написал бы «Пробуждения», не имея примера Лурия и.. поддержки Одена, который сказал: «Вы должны... вы должны расширить палитру, должны использовать все богатство красок, что в конечном итоге некоторые из ваших научных коллег могут не одобрить», см.: <http://www.webofstories.com/play/54220> . – А.Ясницкий.

поднять все на... на более высокий уровень. И это... это приводило меня в волнение²².

²² *Комментарий редактора:* В своем интервью на сайте Web of stories Сакс дает далее оценку историям болезни в викторианском стиле: «В целом, моим любимым чтением в области неврологии и психиатрии были... были истории болезни XIX века. Они отличались богатством деталей, и теплотой, и... индивидуальным подходом, который, думаю, редко найдешь в... в современных историях болезни. Это... это, полагаю, было действительно веской причиной задуматься о своего рода возрождении историй болезни в 90-х годах XX века. Современное искусство написания историй болезни было мертво, а журналы – например, «Неврология мозга» – когда-то полные удивительных историй болезни, теперь забыты... в основном, статистикой или статьями об исследованиях, в которых... в которых так мало человеческого. И вдруг встречается современник, пишущий по-другому. Может быть, современник - неподходящее слово, потому что он был, полагаю, лет на тридцать меня старше. Это был советский нейропсихолог А.Р.Лурия» (см. <http://www.webofstories.com/play/54218>). И далее: «Думаю, я заинтересовался неврологией, - сейчас ее называют нейронаукой, но в мое время этот термин был неизвестен, - вероятно, начиная... начиная с отрочества. Детально изучать пациентов казалось мне очень увлекательным занятием – например, у одного пациента был судорожный синдром, с миганием (flashing lights). Эта пациентка... ее сестра в настоящее время рассказала мне, что такое наблюдалось в их семье на протяжении пяти поколений. Я поехал в Огайо и изучил церковные записи и надписи на могильные плитах. И я... мне это понравилось... это был один из тех случаев, которые я включил в мою злополучную книгу о подергивании мышц. В то же самое время, - уже в то время, - я считал искусство составления историй болезни высшим пилотажем. И, кроме того, я не был уверен, какую форму это должно иметь. Я вспоминаю, как ранее, в 64-м году, я встретил человека с расстройством Крейцфельда-Якоба или Якоба-Крейцфельда, жестоко страдавшего стремительной формой деменции. Это было задолго до случая коровьего губчатого энцефалита и ювенильного Якоба-Крейцфельда. Я написал две истории болезни по нему: одну на медицинском жаргоне, а другую – похожую на короткий рассказ. Так или иначе я осознал, что собственно история болезни должна представлять собой что-то среднее, то есть она должна быть полна аутентичных подробностей, но также и выражать всю драматичность и эмоции рассказа или новеллы» (см. <http://www.webofstories.com/play/54175>). В одной из своих статей Оливер Сакс, следуя Лурия, обсуждал его – и, следовательно, свой – способ создания «Романтической Науки» как оппозиции «науке классической» (Sacks, 1990). Этот ранний и достаточно редкий документ будет переопубликован в предстоящем выпуске «Кембриджского учебника по культурно-исторической психологии» (Yasnitsky, van der Veer, & Ferrari, в печати) – А.Ясницкий.

Литература

1. Bruner, J. (1983). *In search of mind. Essays in autobiography*. New York: Harper & Row.
2. Bruner, J. (1990). *Acts of meaning*. Cambridge, MA: Harvard University Press.
3. Bulgakowa, O. (2001). *Sergei Eisenstein. A biography*. San Francisco, CA: Potemkin Press.
4. Cole, M., & Levitin, K. (Eds.). (2006). *The autobiography of Alexander Luria: A dialogue with The making of mind*. Mahwah, NJ: Lawrence Erlbaum Associates.
5. Luria, A. R. (1932). *The nature of human conflicts*. New York: Liveright.
6. Luria, A. R. (1966). *Higher cortical functions in man*. New York, NY: Basic Books.
7. Luria, A. R. (1972). *The man with a shattered world*. Cambridge, MA: Harvard University Press.
8. Luria, E. A. (1994). *Мой отец А.Р. Лурия [My father A. R. Luria]*. Moscow: Gnozis.
9. Sacks, O. (1973a). *Awakenings*. London: Duckworth.
10. Sacks, O. (1973b, June 28). The Mind of A.R. Luria. *The Listener*, 89(2309), 870–873.
11. Sacks, O. (1984). *A leg to stand on*. London: Duckworth.
12. Sacks, O. (1990). Luria and “Romantic Science.” In Goldberg, E. (Ed.), *Contemporary Neuropsychology and the Legacy of Luria* (pp. 181–194). Hillsdale, NJ: Lawrence Erlbaum Associates.
13. Vygotsky, L. S. (1962). *Thought and language*. Cambridge: M.I.T. Press, Massachusetts Institute of Technology.
14. Yasnitsky, A., van der Veer, R., & Ferrari, M. (Eds.). (in press). *The Cambridge Handbook of Cultural-Historical Psychology*. New York: Cambridge University Press.

Поступила в редакцию: 27.06.2013 г.

Сведения об авторах

Майкл Коул – профессор, университет Сан-Диего (UCSD)
E-mail: mcole@weber.ucsd.edu

Джером Брунер – профессор в школе права Нью-Йоркского Университета (NYU)
E-mail: jerome.Bruner@nyu.edu

Оливер Сакс – профессор нейрологии в медицинской школе Нью-Йоркского Университета (NYU)
Веб сайт: <http://www.oliversacks.com/>
E-mail: mail@oliversacks.com